

Стрела архата

Автор:

Сергей Михайлов

Стрела архата

Сергей Георгиевич Михайлов

Три убийства – и одна жертва. Странное стечение обстоятельств: убийцы оказываются в одном и том же месте и в одно и то же время. Или почти в одно... Кто-то из них всё-таки первый нанёс роковой удар. Вот только кто? И что это за голубая стрела, торчащая из стены сельского подмосковного дома? Чтобы узнать это, за дело берётся сыщик-любитель Максим Чудаков. Официальное расследование уже закончено, и он ведёт его в одиночку на свой страх и риск. Шаг за шагом, и поиски уводят его сначала в Таллинн, а потом и вовсе в глухие дебри Юго-Восточной Азии, где обитает таинственное племя архатов из древней Шамбалы. Любого, кто откроет их тайну, ждёт смерть.

Посвящаю моей дочери Светлане

Эти существа обладают сверхъестественными возможностями: они окончили свою эволюцию на этой планете, но остались с человечеством с целью облегчить его духовный прогресс.

Архат – человек, который в течение своей долгой планетарной эволюции освободился от всякой привязанности к земному существованию и от долгов кармы.

Пролог

Тропа оборвалась, внезапно вынырнув из густых зарослей гигантского бамбука, и словно растворилась в небольшой, вымощенной камнем и утрамбованной сотнями босых ног желтолицых туземцев безлесной площадке. Словно купол, смыкались зелёные кроны высоких гибких деревьев, образуя непроницаемый свод и пресекая солнцу путь в святая святых малочисленного дикого народа, населяющего этот забытый Богом уголок земли. Здесь царили вечный полумрак и безмолвие, и лишь шелест змей в сухих опавших листьях да редкие крики разноцветных попугаев нарушали порой таинственный покой неподвижного воздуха, и даже в часы богослужений и великих праздников принесения жертв торжественная тишина оставалась нетронутой и продолжала главенствовать в этом маленьком мистическом мирке.

В самом центре площадки устремился ввысь, безуспешно пытаясь достичь купола навеки сплетённых ветвей зелёного свода, удивительный храм – земное пристанище божества, именуемого Маро. Храм был сложен из огромных гранитных плит, обтёсанных терпеливой человеческой рукой и временем. Он представлял собой высокое причудливое строение правильной пирамидальной формы и состоял всего лишь из одного помещения.

Высокий стройный человек средних лет в нерешительности остановился на пороге Храма Бога Маро и задумчиво созерцал тусклые отблески пламени на его внутренних стенах. Человек был погружён в свои думы, и нерешительность его объяснялась не встречей с таинственной древней культурой, живущей и поныне, а концом тропы, заканчивающей своё существование в недрах этого странного строения. Его мысли носились далеко за пределами этой земли, в далёкой северной стране, откуда он был родом, и тропа, приведшая его сюда, была лишь чуть заметным пунктиром в сложном и долгом пути на родину.

Человек переступил порог Храма и словно очнулся. Поток мыслей пресёкся, разбился о что-то непреодолимое и рассыпался подобно бисеру. Пространство, заключённое в вековых гранитных стенах древнего святилища, было наполнено взглядом Бога Маро. Глаза Христа в христианских соборах или Будды в

тибетских пагодах мертвы и бесстрастны, глаза же Маро светились вечной жизнью и обжигали страстью. Взгляд божества проникал в самый отдалённый, самый тёмный уголок Храма, зажигая там неземной огонь. Верующим он нёс любовь и надежду, сомневающимся звал в лоно истинной веры, врагам обещал неминуемую смерть и адские муки, людям же равнодушным бросал вызов либо леденил душу ответным равнодушием. Но до сих пор нога равнодушного не переступала порога Храма.

Человек, стоявший при входе в святилище, был первым, кто встретил взгляд Бога Маро спокойно, хотя и с некоторым чувством замешательства и недоумения. Неприятный холодок прополз по его спине – и только. Человек пожал плечами и хотел было покинуть Храм, но в тот же миг Верховный Жрец, безмолвно молившийся перед статуей зрячего Бога и остававшийся доселе незамеченным для вошедшего, внезапно выпрямился и резко обернулся. Длинный чёрный плащ с белоснежно-белым подбоем грациозно ниспадал с его точёных плеч, наполовину скрывая величественную фигуру его владельца, орлиный взор гневно сверкал из недр глазных впадин. Верховный Жрец издал гортанный возглас и вскинул тонкую руку по направлению к выходу. Этот жест не требовал комментариев и не знал языковых барьеров. Этот жест был понятен всем. Случайный человек снова пожал плечами, повернулся и, повинувшись Жрецу, вышел из Храма. Вскоре он исчез на тропе, скрытый плотной стеной бамбуковых стволов.

Верховный Жрец воздел руки к лику древнего божества.

– О Великий Маро! – воскликнул он. – Лишённый Души осквернил твой Храм, но он уверует в тебя! Верь ничтожнейшему из слуг твоих, Всемогущий Бог!.. Все сюда!

Повинуясь последнему призыву, в Храм медленно вошли пятеро жрецов – все в чёрных плащах, но без белого подбоя. Один из них был с повязкой на глазах.

– Пусть Тот, Кто Несёт Взгляд подойдёт ко мне! – повелел Верховный Жрец.

Человек с повязкой медленно приблизился к нему.

– Сними оковы с очей своих!

Повязка упала на пол, и юноша – Тот, Кто Несёт Взгляд – поднял глаза на Верховного Жреца. И – о, чудо! – взгляд его засиял тем же божественным пламенем, что и взгляд Бога Маро. Тот же огонь, та же сила, та же страсть... Словно разряд электрического тока пронизал тела избранников Божьих.

– Храм Великого Маро осквернён неверием, – загремел грозный голос Верховного Жреца, – но вера Божья настигнет Лишённого Души. Он не превратился в пепел под всежигающим взглядом Маро – значит, он слеп; он не внял моему призыву – значит, он глух. Ты, Несущий Взгляд, последуешь за ним. Твой взгляд, равный взгляду божественных очей Маро, должен настичь осквернившего Храм и решить его судьбу. Видевший Бога и не принявший его – мёртв. Это закон. Иди и выполни свой долг. Великий Маро ждёт его душу.

Шестеро жрецов воздели руки к лику повелителя и прочитали короткую молитву на древнем языке их племени. Потом Тот, Кто Несёт Взгляд приложил правую руку к груди, поклонился поочередно каждому собрату по вере и молча покинул Храм.

Глава первая

Жёлтые квадраты дрогнули и медленно поползли по мокрой насыпи. Мерный стук, возникший одновременно с движением, быстро нарастал. Вот уже светлые квадраты сменились единой жёлтой полосой – и вдруг оборвались. Мгновенно стих и стук, но не совсем, а медленно удаляясь в тьму ночи. И наконец плавный поворот поглотил несущуюся в неизвестность электричку. Всё смолкло и погасло. Одна лишь белая луна мёртвым светом серебрила верхушки высоких елей и две длинные, уходящие в бесконечность, ниточки рельсов.

Человек вздохнул, поправил за плечами зачехлённое ружьё и быстро зашагал вдоль железнодорожного полотна вслед ушедшему поезду. Позади осталась одинокая, какая-то неуместная здесь и совершенно безлюдная платформа с уже успевшей высохнуть после грозы сиротливой табличкой «Снегири».

«Бедная девочка! – бормотал человек себе под нос. – Бедная, бедная девочка».

Он был в высоких сапогах и длинном брезентовом плаще с капюшоном. Весь его вид выдавал в нём бывалого и опытного охотника. Несмотря на тёплую, безветренную летнюю ночь, капюшон был накинут на голову, полностью скрывая его лицо, и лишь изредка, когда свет бледной луны случайно падал на его фигуру, можно было различить острый взгляд блестящих глаз чем-то сильно озабоченного немолодого мужчины.

«Каков подлец, а? Каков подлец! Совсем ведь девчонка ещё, а он... Нет, пуля – это как раз то, чего он достоин...»

Метров через сто пятьдесят он круто свернул влево на широкую, размытую дождём просёлочную дорогу и пошлёпал по её вязким лужам своими сапогами-вездеходами. Грязь хлюпала и чмокала под его ногами, затрудняя движение, но человек в плаще, казалось, не замечал этого. Он шёл по лунному коридору, стены которого высоко вздымались по обе стороны от дороги и где-то вверху, в верхних слоях атмосферы, заканчивались неподвижными чёрными кронами елей и сосен. В недрах леса заухал филин, вспугнув несколько летучих мышей, тени которых на мгновение ясно обозначились на фоне холодной луны. Воздух был свеж и прозрачен, промытый дневной грозой, и вдыхать его было настоящее блаженство, но человек с охотничьим ружьём был мрачен и невосприимчив к красоте природы. Он шёл на охоту, но охоту необычную.

«Убить – это не так страшно, – успокаивал он себя, – особенно когда убиваешь мерзавца. В Афгане я стрелял в людей, выполняя приказ, и видел, как они корчились в горячей пыли, истекая кровью и проклятиями. В тайге не раз бил в упор по оленю или медведю – и тоже видел их судороги. Но в одном случае была война, в другом – охота. И то, и другое оправдано и законом и нашей моралью. На что же я иду сейчас? На войну? На охоту? Война – это единоборство с вооружённым противником, к которому испытываешь ненависть. Охота – тоже встреча с противником, но заведомо более слабым и ненависти не вызывающим. На что же иду я? Он безоружен и слабее меня – значит, это охота, но он ненавистен мне, значит.... Значит, это убийство! Нет, не думать об этом, не думать...»

Лес справа кончился, уступив место бескрайнему полю, перерезанному посередине глубоким шрамом оврага с извилистым ручейком на его дне; ещё одна луна, украшенная кувшинкой и плывущая против течения, весело подмигивала из глубины ручья своей сестре – той, что наверху, – бесстрастной и холодной в своём величии. Но и немой диалог двух сестёр-близнецов не вывел

человека из состояния мрачной задумчивости. Во всех этих деталях ландшафта он видел лишь ориентиры, которых следовало придерживаться, чтобы выйти в нужное место, – и ничего больше. Чутьё охотника и подробный рассказ одного из сослуживцев, хорошо знавшего эти места, безошибочно вели его по чужому лесу.

«Ведь есть же такие подонки! Слышал об этом, но никак не думал, что это может коснуться моей семьи. А ведь так всегда! Никогда не ждёшь, что беда придёт именно в твой дом, а когда она всё же приходит, бывает уже поздно. Что ж, пусть поздно. Зато этот мерзавец получит по заслугам. Сполна!»

Дорога свернула и тут же упёрлась в аккуратный дачный посёлок, окружённый сетчатым забором. На ближайшем доме висела табличка, удачно освещённая ночным светиллом.

– Первая Лесная Поляна, – прочитал человек. – Так. А мне нужна Третья, дом двенадцать. Что ж, будем искать.

Поиски продолжались недолго и вскоре увенчались успехом. Человек осторожно подошёл к нужному дому и бесшумно отворил калитку. Его встретила тишина. Значит, собаки не было.

Похоже, что собак не было ни у кого. Посёлок был новым, кое-кто ещё строился, многие дома пустовали – проблема приобретения четвероногих сторожей пока что ещё не была столь острой для свежее испечённых дачников. Тем более, что в специально отведённой будке в центре поселка по ночам дежурил настоящий, двуногий, сторож, который, правда, обычно спал, как и все, впрочем, нормальные люди. Спал он и сейчас, хотя свет в сторожке горел.

Горел он также в одном из окон дома номер двенадцать по Третьей Лесной Поляне. Это поначалу смутило человека в плаще, но уже в следующее мгновение он снова был полон решимости. Тем лучше, решил он, при свете будет легче ориентироваться. Он осторожно поднялся на чуть скрипнувшее крыльцо и легонько толкнул дверь на веранду. Дверь оказалась незапертой.

«Однако! Этот тип как будто ничего не боится. Значит, считает, что совесть его чиста. Вот мерзавец! Тем легче мне будет исполнить задуманное. По крайней мере, и моя совесть не намного запачкается. Пусть подышает, собака, в своей

конуре! Другого он не заслуживает!..»

Последние сомнения рассеялись в душе охотника. Он уверенно, но осторожно, подчиняясь скорее охотничьей привычке, чем осмысленному решению, вошёл в дом. В темноте расчехлил ружьё. Лунный блик зловеще сверкнул на лакированном прикладе. Человек привёл оружие в готовность и повернул ручку следующей двери. И снова тьма и пустота...

Нужная дверь оказалась четвёртой по счёту. Из-под неё выбивался тусклый свет настольной лампы и какой-то знакомый, но неуместный здесь запах. Последнюю дверь он открывал мучительно долго, сконцентрировав всю свою энергию в пальцах руки. В образовавшуюся щель он увидел большой письменный стол, заваленный бумагами, и спину мужчины, неподвижно сидящего на уродливом стуле с низкой спинкой. Мужчина спал, уронив голову на стол.

Комары почему-то не садились на его оголённую шею.

«Он! Какая удача, что спит! Или разбудить? Нет, не надо. Пусть подышает так...»

Охотник поднял ружьё и тщательно прицелился. Палец уверенно лёг на курок и стал медленно вдавливать в него. Ненавистная спина заполнила собой всю комнату. Спусковой крючок внезапно провалился, и...

Глава вторая

...грохнул выстрел. Максим Чудаков, допоздна просидевший над романом Агаты Кристи, в котором тщедушная пожилая леди проявляла поистине чудеса сообразительности и учила полицию, как надо ловить преступников, спросонья вскочил с постели и ошалело уставился в темноту. Что это? Послышалось? Или действительно кто-то стрелял?.. Чудаков крадучись подошёл к окну и осторожно взгляделся в ночную тьму. Одно из окон дачи профессора Красницкого светилось тусклым огнём. Наверное, настольная лампа... Их дачи стояли рядом – почти соприкасаясь, словно близнецы, стандартными коробками своих домов. Неяркий свет из окна соседней дачи падал на цветочную клумбу. Самого окна Чудакову видно не было.

Чья-то тень мелькнула прочь от дома профессора Красницкого и растворилась в ночи. Сердце Чудакова бешено забилося. Вот оно – настоящее дело!.. Судорожно сунув ноги в брюки, он кинулся к выходу.

Фигура человека в плаще с капюшоном и охотничьим ружьём за плечами быстро удалялась по направлению к станции. До слуха Чудакова отчётливо доносилось чавканье его сапог. Сорвавшись с крыльца, он бросился за незнакомцем, утопая импортными кроссовками в грязи просёлочной дороги.

– Эй! Стойте! – крикнул Чудаков, безуспешно пытаясь догнать незнакомца в плаще. Но тот будто не слышал.

В азарте погони Чудакову как-то в голову не пришло, что он – безоружный – в одиночку преследует вооружённого незнакомца, который вполне мог оказаться преступником. Впрочем, мог и не оказаться...

Человек в плаще уверенно шёл, не сбавляя шага, по лесной дороге, а Чудаков нёсся вслед за ним, то и дело падая в грязь и чертыхаясь. С брюк его стекала противная липкая жижа, а импортные кроссовки от налипшей на них глины и по весу, и по форме стали напоминать свой аналог отечественного производства. Охотник же, ничем не выдавая своего волнения, неизменно продолжал свой путь.

Первые сомнения в целесообразности преследования зародились в душе Чудакова, когда он неожиданно споткнулся в темноте о корягу и во весь рост растянулся в большой, уже начавшей подсыхать луже. Однако маячившая впереди загадочная фигура незнакомца заставила отбросить все сомнения. Нет, не время сейчас задумываться о пустяках, главное – догнать, а там видно будет...

Когда Максим Чудаков, с ног до головы вывалявшийся в грязи, добрался наконец до железнодорожной насыпи, незнакомец в плаще в это самое время взбирался уже на платформу станции Снегири.

– Стойте! – снова крикнул Чудаков, с удивлением обнаружив, что погоня порядком вымотала его. – Да остановитесь же, наконец!..

Незнакомец и впрямь остановился, но потому лишь, что цель его пути была наконец достигнута. Он не спеша прохаживался по платформе, отчётливо стуча коваными сапогами по асфальтовому покрытию платформы и, казалось, совершенно не замечал бегущего к нему человека. Никакой попытки к бегству он не предпринимал. Чудакова это насторожило, но времени на раздумья сейчас не было.

За спиной, совсем рядом, слышался длинный протяжный гудок.

«Электричка!» – в ужасе подумал Чудаков. Сердце его забило с такой силой, что его стук слился со стуком колёс стремительно надвигающегося поезда. И вот уже мимо него понеслись ярко-жёлтые квадраты окон вагонов – сначала единой светящейся полосой, потом её отдельными огненными фрагментами, и наконец поезд настолько замедлил ход, что Чудаков без труда смог разглядеть пустоту ярко освещённых вагонов последней электрички.

«Не успею!» – беспомощно подумал Чудаков, готовый завывать от своего бессилия. А вдруг?.. Он и так уже бежал на пределе своих возможностей, но мысль о том, что буквально на его глазах уходит преступник, извлекла из недр его организма последний резерв сил. Ну, ещё немного – ещё десять, пять метров...

Электричка остановилась. Двери автоматически открылись, и незнакомец в плаще уверенно вошёл в неосвещённый тамбур. В глубине тамбура вспыхнула спичка, и из открытых пока ещё дверей поплыл сизый дымок сигареты. Но вот поезд дёрнулся, зашипел, и двери захлопнулись.

Когда обессиленный, чуть живой Максим Чудаков вскарабкался на платформу, поезд уже тронулся. И Максим действительно завыл – завыл от отчаяния. Платформа Снегири была безнадежно пуста.

Обратно он шёл медленно и долго. Невесёлые думы одолевали неудачливого преследователя, но чем ближе он подходил к дачному посёлку, тем больше эмоциональная направленность его мыслей уступала место холодному анализу последних событий.

Был ли этот человек преступником – вот вопрос, который вдруг со всей ясностью встал перед Чудаковым. Возможны были несколько вариантов объяснения тому, что произошло нынешней ночью. Первый: преступление совершено, но этот человек – обычный охотник, не имеющий к выстрелу никакого отношения;

в момент выстрела он вполне мог случайно оказаться возле дачи профессора, проходя через посёлок. Второй: стрелял действительно он, но это ещё не доказывает, что он преступник (на то он и охотник, чтобы стрелять); возможно, выстрел был случайным. Правда, этот вариант имел одно слабое место: сразу же после выстрела незнакомец был замечен Чудаковым выходящим из дома профессора Красницкого. Третий: преступления не было, выстрела – тоже, всё это – плод воображения Максима Чудакова, подогретого детективным чтивом заморской писательницы; одним словом, всё это могло ему просто присниться. Теперь факты. Был человек с ружьём, вышедший из дачи профессора Красницкого. На зов Чудакова он не отозвался, но и явной попытки к бегству не предпринимал; с последней электричкой он уехал в сторону Москвы. Ничего предосудительного. Странно только одно: почему он не откликнулся, когда Чудаков звал его? Опять возможно несколько вариантов: либо он глух, либо в силу своего нелюдимого нрава не желал вступать в разговор с незнакомцем, либо его удерживало от контакта с кем-либо совершённое им преступление.

Подобные логические построения несколько взбудрили Чудакова и придали его мыслям определённое и чёткое направление. Одержимый идеей во что бы то ни стало докопаться до истины, он сразу по возвращении в посёлок направился к даче профессора Красницкого. Первым делом необходимо было выяснить: что же на самом деле произошло на этой таинственной даче? Может быть, нечего и городить весь этот сыр-бор?

Осторожно, чтобы не разбудить невзначай своего соседа по даче, если он – дай-то Бог! – спит, Чудаков проник в дом и, минуя ряд тёмных, пустых помещений, добрался, наконец, до той самой – освещённой – комнаты. Чудаков бывал здесь и раньше, заходя к профессору поболтать или сыграть партию в шахматы, поэтому ориентировался он в доме без труда. Постучав, Чудаков чуть приоткрыл дверь и спросил:

– Разрешите, Пётр Николаевич?

Ответа не последовало. Взору Максима представилась следующая картина. Профессор Красницкий сидел за письменным столом, склонив голову на полированную поверхность, и, по-видимому, спал, а на спине... О Боже! Так и есть! В него стреляли!.. На спине профессора отчётливо темнело небольшое пятно – след от пули. Сомнений больше не оставалось – здесь совершено преступление. Только сейчас Чудаков обратил внимание на душный, спёртый воздух и какой-то странный запах. Пахло порохом. Последний, так сказать,

штрих. Впрочем... впрочем, может быть, профессор ещё жив?..

Максим Чудаков осторожно пересёк комнату, оставляя грязные следы на крашеном полу, и приблизился к письменному столу. Превозмогая инстинктивный страх, он коснулся руки профессора. Рука была мертвенно-жёлтой и совершенно холодной. Чудакову не требовалось особых познаний из области медицины, чтобы определить: профессор Красницкий безнадежно мёртв. Что ж, смерть человека лишь усугубила драматизм ситуации, но природы преступления не изменила. Совершенно умышленное убийство, и главное теперь – найти убийцу.

Всё происшедшее в этой комнате представлялось Чудакову ясно и отчетливо. Преступник вошёл в дом, добрался до единственной освещённой комнаты, приоткрыл дверь, увидел спину своей жертвы, прицелился и выстрелил. Потом преспокойно покинул дачу и укатил на последней электричке. Просто, банально и прозаически. Где-то в глубине души Чудаков надеялся на более увлекательное, запутанное дело, требующее от детектива (а именно таковым он себя считал – тоже в глубине души) напряжённой работы ума, сложных логических комбинаций, проработки множества версий, встреч со свидетелями и так далее. А здесь... Ни свидетелей, ни работы ума... Единственное, что от него требовалось, – это работа ног, но здесь-то как раз он и подкачал. Да, неудачно как-то всё складывается. И в то же время...

В то же время он был единственным свидетелем свершившегося преступного деяния, более того, он имел счастье преследовать убийцу, хотя и безуспешно. Противоречивые чувства роились в душе сыщика-любителя, заставляя его сердце то бешено колотиться, то замирать чуть ли не до полной остановки. Как реагировать на случившееся? Радоваться или отчаиваться? Да, конечно, радоваться смерти человека – кощунственно, и Чудаков ясно сознавал это, но, с другой стороны, только что произошло событие, которого он ждал уже не один год. Не следует думать, что Чудаков – неисправимый человеконенавистник, садист и любитель кровавых зрелищ. Нет, ничего подобного за ним не наблюдалось, наоборот, он был добр, отзывчив и очень любил детей. Он вообще был противником насилия, в какой бы форме оно ни выражалось. И не само преступление вызывало у него учащённое сердцебиение, а тот факт, что он первым оказался на месте его совершения.

Здесь следует слегка приоткрыть завесу, скрывающую тайную страсть нашего героя. Вот уже около двадцати лет Максим Чудаков буквально бредил

детективами и криминальными историями. За годы своей сознательной жизни он прочитал уйму детективной литературы, пересмотрел великое множество фильмов той же тематики, а к рассказам о Шерлоке Холмсе и отце Брауне относился как к шахматным задачам или головоломкам, которые – к чести его следует заметить – очень часто решал гораздо раньше, чем на то рассчитывал именитый автор. Он лично участвовал во всех этих историях с убийствами, поджогами, похищениями, ставя себя на место то преступника, то следователя, то жертвы, помногу раз проигрывая в уме те или иные комбинации. Но Чудакову этого было явно недостаточно. Он жаждал участвовать в настоящем, а не книжном деле, раскрыть если не преступление века, то хотя бы мало-мальски приличную кражу или, на худой конец, валютную махинацию. Однако судьба распорядилась иначе – Максим Чудаков стал экспедитором в одном из овощных магазинов Тимирязевского района города Москвы. Специфика же этой профессии, хотя и предполагала встречи с различными тёмными личностями, у которых наверняка рыльце в пушку, всё же не давала Чудакову возможности во всю ширь развернуть свой криминальный талант сыщика-детектива. А талант этот – Чудаков был в этом абсолютно уверен – у него был. И вот такая удача!

На третий день отпуска, который Максим Чудаков решил провести на новенькой, совсем недавно построенной даче, он стал свидетелем – причём единственным! – не какого-нибудь там воровства или мошенничества, а самого настоящего убийства! Правда, сознание торжества омрачалось смертью профессора Петра Николаевича Красницкого, с которым Чудаков познакомился прошлым летом здесь же, в посёлке, когда строил свою дачу. Профессорская дача в то время уже была отстроена, и Пётр Николаевич периодически наезжал сюда, чтобы отвлечься от напряжённой научной работы и отдохнуть. На правах соседа Максим Чудаков часто обращался к Красницкому то за советом, то за каким-либо инструментом, а порой профессор и сам предлагал ему свою помощь. Позже, когда молодой экспедитор закончил строительные и отделочные работы, он стал навещать соседа, и они часами просиживали за шахматной доской, часто забывая о еде и времени суток. Любовь к шахматам (шахматы напоминали Чудакову криминальные головоломки) объединила столь разных и непохожих друг на друга людей. Так между ними сложились если не дружеские, то приятельские отношения, которые часто возникают между соседями на почве общих интересов, не имеющих ничего общего с родом их основной деятельности.

Чисто по-человечески Чудакову, без сомнения, было жаль профессора Красницкого, но утраченную жизнь уже не вернёшь, а преступник пока ещё на свободе. Прежде чем приступить к решительным действиям, Чудаков тщательно

проанализировал создавшуюся ситуацию и пришёл к следующим выводам. Во-первых, о происшествии необходимо сообщить в милицию. Этого требовал не только долг гражданина, но и простое чувство самосохранения. Так или иначе, а милиция выяснит (там ведь тоже не дураки сидят), что Чудаков оказался на месте преступления в ночь его совершения. Если он не сообщит в органы, это могло быть расценено как укрывательство преступника, а то и, чего доброго, как соучастие. В планы же Чудакова это никоим образом не входило. Правда, звонок в милицию откладывался до утра, поскольку телефонного сообщения между дачным посёлком и Москвой не было, а ближайший телефон находился в деревне Снегири в десяти километрах от станции. А это значит, что Чудаков имел преимущество перед профессиональными сыщиками по крайней мере часов в шесть-восемь. Во-вторых, Чудаков знал убитого, а это был немаловажный факт, ибо в нужный момент он мог помочь расследованию. И в-третьих, бегство преступника, несмотря ни на что, имело для Чудакова и положительные стороны. Поймать и обезвредить убийцу в состоянии любой технически оснащённый и физически подготовленный специалист, Чудакову же предоставлялась возможность «вычислить» его, раскрыть планы и мотивы содеянного, а это в гораздо большей степени импонировало ему, чем обычное преследование.

Придя к соответствующим выводам, Максим решил действовать. Первым делом он приступил к обследованию места происшествия. Профессор Красницкий был убит выстрелом в спину – это не подлежало сомнению. Следов в комнате преступник не оставил – значит, он стрелял с порога. Зацепиться, казалось, было совершенно не за что. Но тут у самой стены Чудаков увидел нечто, заставившее его стремительно нагнуться. Это был небольшой бумажный комок, слегка обгоревший и плотно спрессованный. Пыж! Так и есть! Это же пыж! Вот она – зацепка!..

Чудаков ликовал. Вот так удача! Эта бумажка поможет ему распутать весь клубок страшного преступления. Дрожащими пальцами он развернул бумажный комок; это был обрывок газеты, на полях которого можно было разглядеть кем-то небрежно нацарапанный номер телефона. Сердце Чудакова готово было выпрыгнуть из груди. Опять удача!..

Дальнейший осмотр места происшествия Чудаков решил не производить. Надо же было что-то и милиции оставить! Тем более что теперь он обладал ценнейшим материалом в виде обгоревшего газетного клочка, который при умелом ведении дела должен был навести его на след преступника.

Вернувшись к себе на дачу, Чудаков стянул с себя грязную одежду, умылся и стал дожидаться утра. Постепенно в голове сыщика-любителя созрел вполне конкретный план, к осуществлению которого он и приступил с первыми лучами солнца. Достав из чемодана новые бельгийские джинсы-«варёнки», он с удовольствием облачился в них. Джинсы сидели как влитые. Затем, после некоторых колебаний, вынул из гардероба новенькую импортную футболку. Надевать её он не спешил. Это был подарок профессора Красницкого. Теперь, после рокового выстрела, этот подарок приобрёл зловещий смысл. Ничего особенного футболка из себя не представляла: изображение какой-то несуразной головы с жутким взглядом сопровождалось таинственными письменами на непонятном языке. Обычный псевдо-туземный стиль, рассчитанный на массового покупателя. Профессор привёз её из какой-то далёкой экспедиции, откуда вернулся буквально месяц назад...

За двадцать минут до отправления первой электрички Максим Чудаков уже был на станции Снегири. Путь его лежал в Москву.

Глава третья

Лёгкий туман рассеялся, как только первые робкие лучи утреннего солнца коснулись сырой, покрытой обильной росой, земли. Птичий хор возвестил о начале нового дня – тёплого, безоблачного, по-настоящему летнего. Пахло влажным лесом, цветами и железной дорогой.

В ожидании поезда Максим Чудаков нетерпеливо прохаживался по безлюдной платформе. За пять минут до прибытия электрички он вдруг вспомнил, что нужно взять билет. У билетной кассы он наткнулся на седого древнего старика в белой фуражке и старом поношенном пиджачке. Старик сидел на пустом ящике из-под вина и подслеповатыми глазами щурился на потухшую «козью ножку».

– Вот незадача, – бормотал он, ища в кармане спички.

– Доброе утро, – бросил ему на ходу Чудаков и отошёл к краю платформы. Электричка вот-вот должна была подойти, и он нетерпеливо ждал её появления из-за ближайшего поворота.

– А ружьишко-то куды дел? – вдруг прошамкал старик негромко, как будто между прочим.

– Что? – отозвался Чудаков, не расслышав. – Вы это мне?

– А то кому же! – Старик зажѐг спичку и с удовольствием прикурил. – Ружьишко-то, говорю, вчерась было, а сегодня, гляжу, нету. Куды сплавил, говорю? Ась?

Чудаков воспринимал старика как незначительную деталь окружающего ландшафта – не более. Он и раньше видел этого древнего деда – всё на том же ящичке из-под вина и с традиционной «козьей ножкой» в редких, кое-где ещё оставшихся, зубах, но особого интереса к нему не проявлял. Мало ли чудаков на свете! Пусть себе сидит, раз ему так хочется. Нынешним же утром Максим более, чем когда-либо, не был расположен замечать этого заядлого курильщика махорки, так как в мыслях своих давно уже нёсся к Москве и шёл по следу преступника. Карман его джинсов жѐг газетный клочок с таинственным телефонным номером.

– Я ведь всё вижу, – не отставал дед, – всё замечаю. Вчерась у тебя ружьишко-то было, когда ты в ляктричку садился, а нынче, значить, его, ружьишка-то, уже и нетути. Я вот тут покумекал...

Чудаков, раздосадованный назойливостью словоохотливого деда, в сердцах ответил:

– Послушай, дед. Никуда я «вчерась» не ездил и ни в какую «ляктричку» не садился, а ружья у меня и в помине нет, так как ни стрелять, ни даже держать его я не умею. Скумекал?

– Рассказывай, как же! – недоверчиво прошамкал дед и скосил бесцветные глаза к переносице. – Небось не слепой ещё – вижу. И штаны твои линялые приметил, и енту рожу жуткую на твоей груди. Я ведь по роже-то тебя и признал – страсть, а не рожа. А глазищи-то, глянь, глазищи – аж до самых печёнок пробирает...

Из-за поворота показалась электричка. Чудаков сразу повеселел.

– Обознался ты, дед, – сказал он примирительно. – Не был я здесь, клянусь. Спутал ты меня с кем-то. А насчёт рожи, – Максим кинул взгляд на подарок покойного профессора, – ты, пожалуй, прав. Рожа, действительно, жуткая. Только не мог ты её видеть, так как футболка эта существует в единственном экземпляре. Так что и здесь ты впросак попал, дед. Про ружьё уж я и не говорю...

Старик не на шутку обиделся. Голос его задрожал.

– Я на фронте в разведчиках ходил, не тебе меня учить – соплив ещё. Не было такого случая, чтобы я обознался, понял? А тебя я видел – это уж как пить дать. И рожа у тебя на груди, действительно, в единственном экземпляре...

Подошедшая электричка оборвала их спор. Последних слов старика Чудаков уже не слышал. Отмахнувшись от деда, словно от назойливой мухи, он сел в поезд и... тут же забыл о нём. Поезд дёрнулся и, медленно набирая скорость, повёз нашего сыщика в Москву.

В Москве Чудаков первым делом отыскал телефон-автомат и сообщил в милицию о ночном происшествии в дачном посёлке. Потом, с чувством выполненного долга, отправился к себе домой. Жил Максим Чудаков на проспекте Мира, рядом с метро «Щербаковская», в старом добротном доме с невесёлым видом из окна на облезлую стену какого-то учреждения. Жил он один в однокомнатной квартире, ибо ни жены, ни детей Чудаков не имел. Отсюда и некий спартанский дух его обиталища – Максим Чудаков был неприхотлив и считал чрезмерные удобства излишеством, развращающим как душу, так и тело.

С трепетом достав из кармана джинсов пыж, Чудаков аккуратно разгладил его на журнальном столике и снял телефонную трубку. Набрал таинственный номер, он услышал на том конце провода приглушённый расстоянием голос:

– Вас слушают.

– Алло, это магазин?

– Нет, это химчистка.

– Извините... – И положил трубку.

Он готов был прыгать и плясать от радости и счастья. Вот так удача!.. Сгорая от нетерпения, Чудаков выхватил из книжного шкафа телефонный справочник и в разделе «Химчистки» по известному номеру вскоре отыскал адрес нужного ему заведения. Та самая химчистка располагалась в районе Курского вокзала, в двух шагах от магазина «Людмила». Скорее туда!

Сунув в рот какой-то сухарь, Чудаков бросился вон из квартиры. Ему жутко везло, и он это понимал. Клубок разматывался с умопомрачительной быстротой и лёгкостью. Сначала пыж, потом телефон, а теперь и абонент отыскан. Видно, сама Фортуна подыгрывала криминалисту-любителю – иначе столь поразительную цепь удач и находок Чудаков объяснить не мог. Впрочем, Максим был бы не против помощи хоть и самого дьявола – лишь бы настичь преступника. Словно профессиональная ищейка, Чудаков шёл по следу – ещё горячему! – к заветной цели, обострив все свои чувства до предела. Что именно он будет делать в химчистке и каким образом попытается увязать в единый узел сие предприятие бытового обслуживания с убийством профессора Красницкого – он пока не знал. Никакого конкретного плана у него не было, он надеялся на случай, везение и собственную импровизацию. Главное сейчас – попасть туда, а там уж обстоятельства подскажут...

Чудаков добрался до химчистки за двадцать минут. Чутьё безошибочно вывело его к нужному зданию – неказистому обшарпанному двухэтажному дому, на первом этаже которого и размещалась искомая химчистка. Он влетел в слабо освещённое помещение с низким потолком и тут же очутился в объятиях вяло скрипнувшего кресла. Кресло оказалось столь же старым и потёртым, как и всё прилегающее к нему здание, но на редкость уютным и мягким. Рядом с креслом стоял кособокий журнальный столик с кипой пожелтевших от времени и пальцев посетителей газет.

– За мной будете, юноша, – проскрипел чей-то густой бас у него за спиной.

Только сейчас Максим Чудаков заметил, что в помещении, помимо него самого, находится ещё шесть человек, образующие, по-видимому, очередь к бородатому приёмщику. Тот, царственно восседая за длинной стойкой, тихо беседовал с очередным клиентом – субъектом неопределённого возраста, пола и внешности. Владельцем скрипучего баса оказалась полная особа весьма яркой наружности с пронзительным взором выпученных, словно у только что начавшего вариться

рака, глаз. Чудаков кивнул ей в ответ в знак согласия с установленным порядком и, скрывая волнение, начал листать старые газеты.

Время тянулось бесконечно медленно. Голос бородатого приёмщика звучал под сводами низкого потолка как нечто вечное, раз и навсегда данное этому помещению. А Чудаков ломал голову над тем, в каком направлении ему действовать дальше, но ничего толкового придумать не мог. Чутьё сыщика, казалось, изменило ему. Будь у него в кармане удостоверение работника МУРа или другой подобной организации, он давно бы уже проник за стойку и с чувством превосходства и уверенности в магической силе красной книжечки потребовал бы у приёмщика... А чего, собственно, он бы потребовал? Пока что ничего такого, чего бы он мог потребовать, в голову ему не приходило. Чудаков впал в уныние. Что же делать?

Его руки машинально перебирали кипу старых газет. Со стороны же могло показаться, что он что-то усиленно ищет.

– Вы крайний? – раздался у него над ухом тихий дребезжащий голосок. Чудаков обернулся. Рядом с ним сидела опрятная тщедушная старушка и пытливым взглядом своих маленьких серых глаз ощупывала соседа.

– Я, – ответил Чудаков.

– Вот и славненько, – проворковала она и хихикнула. – А что вы сдаёте?

Но Чудаков уже не слышал её. Глаза его расширились, к горлу подступил комок. Прямо перед ним лежала «Правда» двухнедельной давности с оборванным углом. Что-то очень знакомое показалось Чудакову в конфигурации оборванного края, что-то такое, что заставило его сердце сжаться в каком-то жутком предчувствии. Судорожным движением он вынул из кармана обгоревший клочок с номером телефона и приложил его к оборванной газете. Так и есть! Бывший пыж дополнил её до целой и аккуратно лёг на своё законное место. Сомнений не оставалось: убийца изготовил пыж из обрывка этой самой «Правды», которая лежала сейчас перед глазами воспрянувшего духом Чудакова. Возможно, будущий преступник пользовался услугами этой химчистки, а для того, чтобы не забыть номера её телефона, он записал его на клочке газеты, обнаруженной им тут же, на журнальном столике.

Внезапно Чудаков почувствовал, что в ухо ему кто-то настойчиво дышит.

- Вы сыщик? - услышал он приглушённый шёпот, заставивший его вздрогнуть.

Оторвавшись от газеты, Чудаков поднял глаза и встретился взглядом с маленькой старушкой. Та многозначительно кивала, заговорщически подмигивала и, казалось, всё-всё понимала. Чудаков промычал что-то в ответ, чем оставил старушку, по-видимому, довольной.

- Вы, наверное, из органов? - снова проговорила она - скорее утвердительно, чем вопросительно.

- Угу, - промычал Чудаков.

- А он что - украл чего, или взятку кому дал?

- А кого вы, собственно, имеете в виду? - проявил внезапный интерес Чудаков. - Кого-нибудь конкретно?

Старушка хитро подмигнула и погрозила сыщику-самозванцу пальцем.

- Да уж известно кого! Храпова Аркадия Матвеевича, разумеется. А вы будто не знаете!

У Чудакова аж дыхание перехватило.

- А... Как вы сказали? - процедил он сквозь спазм в горле. - Храпов? Нет, почему же, известная личность. А вам он, извините, кем приходится?

- Не то вы спрашиваете, товарищ сыщик, не то! - прошептала старушка, замахав рукой. - Ладно, слушайте, расскажу всё по порядку. В прошлую субботу понесла я сюда, то есть в химчистку, старое своё пальто - дай, думаю, приведу его в порядок. Пальто хоть и старое, но добротное, ещё в пятьдесят втором покупала, а сейчас, сами знаете, купить ничего нельзя, вот я и подумала: а не почистить ли мне моё пальто? Тем более, что пальто почти как новое. Раньше ведь как делали? На века! Не то, что сейчас... Так вот, принесла я в ту субботу это самое пальто прямо сюда, а здесь, как и сегодня, - очередь. Небольшая,

правда, очередь, но человек пять-шесть ждёт. И вот, на этом самом месте, где сейчас вы сидите, вижу я Храпова. А Храпов, надо вам сказать, живёт прямо подо мной, поэтому я знаю его, как облупленного. Сидит себе и нервно так пальцами по столу барабанит. А тут как раз его очередь подходит. Не знаю, что он там сдавал, но только отошёл он от стойки, так сразу и захлопал себя по всем карманам – как будто ищет что. Потом подошёл к столу, оторвал от газеты угол и что-то там написал. Вот этим самым карандашом. – С этими словами старушка извлекла из недр своего одеяния карандашный огрызок и торжествующе сунула его под нос Чудакову.

– Откуда он у вас? – шёпотом спросил Чудаков, скосив глаза на огрызок «Конструктора».

– Так ведь я его ему и дала! – громким шёпотом воскликнула старушка и победно взглянула на Чудакова. – Потом он спрятал клочок в карман и вышел.

– Это всё?

– Всё. А что, разве этого мало? – удивилась старушка.

– Вполне достаточно. – Чудаков поднялся с кресла. – Разрешите от имени органов поблагодарить вас за оказанную следствию помощь и выразить надежду, что вы и впредь будете... будете... – Чудаков запнулся, запутавшись в витиеватой формулировке собственных мыслей. – А живёт этот самый Храпов всё там же? – вдруг спросил он и замер в ожидании ответа.

– А вы будто не знаете! – старушка хитро подмигнула Чудакову. – Там же, конечно, где ж ему ещё жить? Прямо подо мной.

– А... э... – Чудаков запнулся и слегка растерялся. Полученная им от словоохотливой посетительницы химчистки информация самым неожиданным образом привела расследование к завершающей стадии. Правда, во всей этой цепи случайностей и удач не хватало одного незначительного штриха – адреса преступника. Спросить в лоб про адрес Чудаков не решался: это могло бы разоблачить его, и тогда реакция старухи могла бы быть совершенно непредсказуемой. Намёки же и наводящие вопросы не возымели нужного действия: старуха была абсолютно уверена, что «товарищ из органов» исключительно осведомлён о преступной деятельности Храпова, не говоря уже о

таком пустяке, как его адрес.

А любопытная старушка тем временем крепко уцепилась за запястье левой руки Чудакова, опасливо скосив глаза на тучную особу с рачьим взглядом, и, припав к самому уху бедного сыщика, громким шёпотом спросила:

– А что он сделал-то, этот Храпов?

Чудаков округлил глаза, имитируя внезапно хлынувший на него ужас, и загробным голосом произнёс:

– Тёщу зарезал!

– Да что вы говорите! – Старушка всплеснула руками и сокрушённо покачала головой. – А с виду такой порядочный...

Воспользовавшись потоком чувств, захлестнувших сердобольную старушку, Чудаков решил было покинуть химчистку, так как сие заведение потеряло для него всякий интерес, но не тут-то было: заметив, что её собеседник собирается улизнуть, старушка вдруг перестала причитать, хитро сощурила левый глаз и поманила его костлявым пальцем.

– А тёща-то храповская уже, почитай, два года, как умерла! Так-то!

Чудаков смутился. Его шутка обернулась пошлостью.

– Извините... – пролепетал он, – я пойду... дела, знаете ли... и вообще... Больше вам спасибо за помощь... следствию... А с тёщей я... сами понимаете – перегнул. Извините...

С этими словами Чудаков стремительно покинул помещение. Уже у самого выхода он совершенно случайно заметил, что большая часть очереди с интересом и любопытством прислушивается к его диалогу со старушкой. Это ещё больше смутило незадачливого сыщика.

«Вот бестия! – со смутным беспокойством подумал обескураженный Чудаков о своей недавней собеседнице. – А ведь адреса я так и не узнал!»

Старушка же проводила взглядом молодого сыщика и обратилась в пустоту со следующими словами, печально качая головой:

– Эх, молодёжь, молодёжь!.. Всему-то их надо учить... А что же всё-таки этот Храпов сотворил? Неужто правда кого зарезал? Или сберкассу взял?..

Чудаков завернул за угол химчистки и приготовился ждать. Адрес Храпова он мог узнать только одним способом: выследить старушку. По её словам, Храпов жил этажом ниже её, а это значило, что старушку ни в коем случае нельзя было упускать из виду.

Минут через двадцать из дверей химчистки донеслись шаркающие шаги. Чудаков успел спрятаться за выступ в стене, и тотчас же мимо него проковылял объект его ожиданий.

Целых три часа водила его старушка по окрестностям Курского вокзала, не пропуская ни одного магазина и ни одной доски объявлений. Ей явно некуда было спешить. Изрядно уставший и вымотанный, Чудаков просто диву давался выносливости этой необыкновенной женщины. Но вот наконец она покинула шумные, насыщенные разношёрстной публикой привокзальные кварталы и углубилась в тихую кривую улочку – одну из немногих, оставшихся от Старой Москвы. Улочка была совершенно пустынна, и Чудакову приходилось прилагать немало усилий, чтобы оставаться незамеченным. Но принимаемые им меры предосторожности были совершенно напрасны: старушка ни разу не оглянулась.

Она вошла в неказистый четырёхэтажный дом с облезлыми, некогда зелёными стенами и покатой ржавой крышей. Дверь подъезда гулко захлопнулась за ней, отозвавшись многократным эхом в лабиринте близлежащих переулков. Чудаков последовал за ней. Но только распахнул он предательски заскрипевшую дверь подъезда, как нос к носу столкнулся с объектом своих преследований. Старушка грозно смотрела на него из-под насупленных бровей и была настроена весьма агрессивно.

– А вы зря, товарищ следователь, ходите за мной по пятам. Я к этому бандиту Храпову не имею никакого отношения – прошу это запомнить и занести в протокол. Всё, что мне о нём известно, я вам уже сообщила, и больше добавить мне нечего. Я старая, слабая женщина...

Она не закончила, махнула рукой и со словами «Эх, молодёжь!» вошла в кабину лифта. Лифт загудел, дёрнулся и отвёз старушку на самый верхний этаж. Смущённый и окончательно сбитый с толку Максим Чудаков успел всё-таки заметить загоревшуюся на табло цифру «4».

«Ага! – обрадовался Чудаков. – Значит, Храпов живёт на третьем!»

Он осторожно поднялся по стёршимся от времени ступенькам на третий этаж и упёрся в обитую дерматином дверь с медной табличкой. Табличка гласила: «Храпов А.М. Майор».

Майор?! Не может быть! Вот так дела! Чудаков инстинктивно отпрянул назад и в замешательстве остановился у дверей лифта. С самого раннего детства он был воспитан в духе уважения к военным и преклонения перед ними, каких бы степеней, рангов и званий они не были. Его семья дала стране и отечественной истории плеяду выдающихся, но оставшихся в тени более ярких имён, служителей Марса. Прадед его бок о бок бился с легендарным командармом Будёным в рядах Первой Конной, дед его партизанил в лесах Белоруссии в бригаде Ковпака, а отец исколесил всю Сибирь и Дальний Восток в чине капитана сверхсрочной службы. Один только Максим не имел к армии никакого отношения и даже ухитрился избежать службы в ней, своевременно оградив свою персону высоким бетонным забором и надёжной «бронью» одного из московских НИИ.

Чудаков оробел. Он мог представить себе Храпова кем угодно, но только не военным. А может быть он ошибся? Может быть, он давно уже идёт по ложному следу и никакой Храпов не преступник?.. Чудаков ещё раз, напрягая память и концентрируя свои способности сыщика-криминалиста, просчитал в уме всю комбинацию, начиная с находки пыжа и кончая своим появлением в этом подъезде. Нет, вроде всё верно, нигде никаких просчётов он не заметил. Вот если только хитрая старушка разыграла его...

– Ну что же вы, товарищ сыщик? – услышал он вдруг знакомый дребезжащий голосок с верхней площадки. – Неужто боитесь?

Это была всё та же старушка. Чудаков чуть не завыл от отчаяния. Ну что ей ещё от него надо? В её голосе ему почудилась явная издёвка. А что, если эта старая каналья расколола его ещё там, в химчистке, и теперь забавляется им, словно

кошка мышкой?.. Чудаков был в явном замешательстве. Он попытался было что-то ответить, но не успел. Старушка снова взяла слово:

– Впрочем, его сейчас всё равно нет дома, он приходит где-то после пяти. И дочери его нет, в институте она. Так что, товарищ сыщик, не вовремя вы.

Нет, она явно над ним издевается! Чудаков почувствовал себя инфузориетуфелькой на предметном стекле микроскопа, а старушка привиделась ему безжалостным исследователем-вивисектором, хищно глядящим в окуляр оптического прибора. И Чудаков решился на отчаянный шаг.

– А вас, гражданка, я попросил бы не вмешиваться в ход следствия, – холодно, тоном бывалого сыщика-профессионала, произнёс он. – О том, где в данный момент находятся гражданин Храпов, а равно и вся банда его сообщников, следственные органы осведомлены не хуже, а, уж можете мне поверить, лучше вас. Моё же присутствие здесь вызвано вполне определёнными причинами, кои вам, гражданка, как человеку постороннему, знать категорически воспрещается. В момент же задержания преступника Храпова, во избежание неприятностей, которые могут произойти при применении нашими сотрудниками огнестрельного оружия, вам, гражданка, следовало бы находиться в собственной квартире и не покидать её ни под каким предлогом. Очень бы хотел надеяться, что вы поняли меня.

Свой монолог Чудаков сопровождал многозначительным движением бровей и ушей, которыми он, кстати, шевелил в совершенстве. Впервые за всё время их непродолжительного знакомства старушка сконфузилась, более того, растерялась, а растерянность в свою очередь перешла в испуг. В следующую минуту её как ветром сдуло с верхней площадке, и тут же наверху гулко хлопнула дверь. Нет, решил Чудаков, она его не разыгрывала. Значит, он на верном пути. Но теперь, когда он выследил преступника, перед ним во весь рост встала другая проблема: что с этим преступником делать? Не мог же Чудаков заявиться к нему домой и сказать: «Я такой-то такой-то, пришёл вас арестовать за то, что вы убили профессора Красницкого!» Да за эти слова Храпов его просто спустит с лестницы, а то, чего доброго, и вообще прикончит. Ведь кто он, Чудаков, такой? Да никто, ноль без палочки. И никакого права врывать в квартиру убийцы, тем более без удостоверения соответствующих органов, он не имеет. А это значит, что Чудакова самого могут задержать как мелкого хулигана и нарушителя спокойствия честных граждан. И это при всех его благих намерениях! Нет, надо действовать иначе – разумно, с оглядкой и в законном

порядке.

Чудаков осторожно спустился вниз, вышел из дома, пересёк узкую улочку и устроился на старой покосившейся лавочке в тени ветвистого тополя. Отсюда подъезд храповского дома виден был как на ладони. Он решил ждать.

В два часа пополудни веки его смежились, и Чудакова сморил беспокойный сон. Снился ему майор Храпов с будёновскими усами, рубящий прикладом охотничьего ружья бесчисленные белогвардейские полчища, а хитрая старушка, оказавшаяся вдруг его тещей, ехидно посмеивалась в узел платка и перемигивалась со столетним дедом из Снегирей, который изо всех сил пытался раскурить гигантскую «козью ножку».

Очнулся Чудаков внезапно и первым делом посмотрел на часы. Половина шестого! Проспал!.. Он вскочил на ноги и бросился к дому напротив, но...

У того самого подъезда, где жил Храпов, стояли три легковых автомобиля, окружённые любопытными прохожими и местными жителями. Слышался приглушённый говор, в котором преобладали в основном вопросительные нотки. Приглядевшись получше, Чудаков вдруг всё понял: на двух автомобилях красовалась надпись «милиция», третий же не имел опознавательных знаков.

«Это же за Храповым! – мысленно ахнул Чудаков и почувствовал, как колени его задрожали. – Быстро сработали».

Он с уважением подумал о своих коллегах из органов, не забыв в то же время восхититься и самим собой; не имея тех прав и возможностей, какими обладали сотрудники уголовного розыска, он в то же время первым вышел на преступника... А вдруг это не за Храповым?..

Чудаков пересёк улицу и смешался с толпой любопытных. Последних в основном представляли пожилые женщины пенсионного возраста и неопределённого рода занятий. К своему великому облегчению знакомую старушку Чудаков среди них не заметил. Оказавшись в гуще событий, наш сыщик прислушался.

– Говорят, он тещу утопил!..

- Кто? Храпов-то? Да он мухи не обидит!
- Как же - не обидит! Садист ещё тот...
- Да что вы говорите! Какой ужас!
- Да не топил он никого, это я вам точно говорю...
- Правильно! Он её газом отравил, тещу-то...
- Каким ещё газом? Что вы голову морочите...
- Тещу? Ха! Тёща его умерла три года назад. Не мог он, бабоньки, тещу-то отравить.
- Знамо дело - не мог, не тот он человек.
- Так это вторая тёща умерла, а первая жива-здоровёхонька. Я её намедни видала, она за мылом стояла.
- Какая ещё вторая? У него что же - две тёщи?
- У Храпова-то? Две. От первой и от второй жены.
- Несчастный...
- Так которая ж умерла?
- Умерла та, что от второй...
- А первую он отравил!
- Да не травил он её, бабоньки, не травил! Вот те крест - не травил...

- Совершенно верно. Он её зарезал, погромсал на мелкие кусочки и целые три недели тайком выносил на помойку. Сама видела!

- Господи ты Боже мой! Страсти-то какие...

- Не на помойку, а псу скармливал бродячему. Это уж я вам точно говорю.

- Это которому ж псу? Это тому, что помесь шакала с носорогом, с лохматой рыжей мордой?

- Ему, аспиду! Ему, кровопийце!

- То-то я гляжу, бабоньки, пёс этот бока себе наел! А это он, оказывается, человечинкой питался...

- Ну!..

- Брехня всё это...

- А вы не знаете - и не говорите! Люди зря болтать не станут.

- Вот так живёшь рядом с человеком и не ведаешь, что он убивец и всё такое прочее...

- А ещё майор!..

- Да никакой он не майор, бабоньки, а самый настоящий шпиён! Мериканский!

- Да ну?

- Вот тебе и ну!

- А помните, в прошлом годе девочка четырёхлетняя пропала? Наверняка его рук дело.

- Храпова-то? Да не может быть.

– Ещё как может! Он детей, значит, крадёт и в Америку продаёт, миллионерам ихним, а те у них, у детей-то, печёнки всякие вырезают и себе вставляют. Сама в кино видела!

– Империалисты проклятые! Чтоб им всем сдохнуть, буржуям недорезанным...

– Ой, бабоньки! Страсти-то какие...

– А ещё я слыхала, банду в Таганроге взяли. Уж не Храпов ли...

Агентство ОБС – «одна баба сказала» – работало безупречно. Уже через три минуты жители близлежащих домов и переулков знали, что некий шпион Храпов живьём съел собственную тещу, передушил дюжину грудных младенцев, устроил побег из таганрогского спецприёмника бешеному псу-рецидивисту, а также продал американской разведке (за три мешка валюты) наисекретнейшие сведения государственной важности, за что и получил майорские погоны из рук самого генерала Норъеги. И когда наконец в глубине подъезда показался Храпов, несчастные старушки с воплями ужаса шарахнулись в стороны, освободив чудовищу, созданному народной молвой, проход к милицейским машинам.

Чудаков с должным вниманием отнёсся к сообщению вышеупомянутого агентства, но на веру принимать его не стал, так как верил он исключительно фактам.

Храпов был высоким плечистым мужчиной средних лет с волевым, серьёзным лицом и густыми чёрными усами. Он шёл медленно, но с достоинством, явно не сознавая за собой никакой вины. Сопровождало его несколько человек в штатском и двое в форме.

Вслед за процессией из подъезда выскочила молодая симпатичная девушка лет восемнадцати со слезами на круглых от удивления и горя глазах.

– Папа! Папочка!.. – крикнула она срывающимся голосом. – Что же это?..

Храпов на минуту остановился, обернулся, и чуть заметная улыбка тронула его плотно сжатые губы.

– Не стыдись отца своего, дочка, – произнёс он, обращаясь к девушке. – Я сделал так, как подсказывали мне моя совесть и мой долг. Прощай!..

– Папочка!..

Храпов и конвоировавшие его сотрудники уголовного розыска разместились в двух автомобилях. Взревев двигателями, они укатили в неизвестность.

Чудаков пребывал в смятении. Сцена прощания отца с дочерью вновь зародила в его душе сомнения насчёт виновности Храпова. Храпов не был похож на преступника; по крайней мере, Чудаков представлял себе убийцу профессора Красницкого несколько иначе. И в то же время железная логика и цепочка неопровержимых фактов привели его к дому именно этого человека – этого не следовало сбрасывать со счетов. Чудаков отлично понимал, что в таком важном деле, как сыскная работа, предаваться эмоциям в ущерб очевидным фактам недопустимо и опасно, и всё же...

Кстати, милиция тоже вышла на Храпова, и причём довольно быстро. Действия конкурентов вызвали невольное восхищение у Чудакова...

Кто-то положил ему руку на плечо.

– Гражданин Чудаков? Максим Леонидович? Будьте добры проследовать со мной!

Глава четвёртая

Действия наших доблестных органов правопорядка действительно вызывали восхищение. Они блестяще провели расследование и в течение нескольких часов успешно шли по следу матёрого преступника. Кульминацией этой кропотливой работы было мастерски осуществлённое задержание майора Храпова у него на квартире. Видимо, преступник не ожидал столь быстрого возмездия и сопротивления не оказал.

Правда, у милиции был ряд преимуществ перед дилетантом и непрофессионалом Чудаковым. Гораздо более широкий спектр возможностей и прав служил ей тем «золотым ключиком», который позволял проникнуть во всевозможные архивы, картотеки, информационные банки, открывал перед ней закрытые для других двери кабинетов многочисленных должностных и компетентных лиц, вызывал к откровенности свидетелей, потерпевших и даже закоренелых преступников. Конечно же всего этого Чудаков не имел, однако у него были свои козыри: молодость, страстное желание самоутвердиться и пытливый ум, не испорченный ещё рутинной бесконечных будней уголовного розыска. И была у него ещё ценнейшая улика – обгоревший пыж, который и стал тем единственным связующим звеном между ним и преступником.

Уже через два часа после утреннего звонка Чудакова на Третьей Лесной Поляне, дом двенадцать, появилась следственная группа из Москвы во главе со старшим следователем МУРа Щегловым. После того, как были проведены необходимые замеры и съёмки, а также получены весьма скудные свидетельские показания от жителей дачного посёлка, Щеглов пришёл к неожиданному выводу: неизвестный, звонивший утром, и человек, оставивший в кабинете профессора Красницкого грязные следы, – одно и то же лицо, коим является сосед Красницкого по даче, некто Чудаков М. Л., экспедитор магазина «Овощи-фрукты» № 257 города Москвы, ныне находящийся в очередном отпуске и исчезнувший неизвестно куда. Объём добытой Щегловым информации был хотя и невелик, но всё же вполне достаточен, чтобы начать поиски преступника. Если верить словам звонившего неизвестного, преступник был высоким, плотным мужчиной в плаще с капюшоном и охотничьим ружьём; в районе двенадцати ночи он сел в электричку и отбыл по направлению к Москве. В самом посёлке никто ничего не слышал и ни о каком выстреле понятия не имел. Тщательное обследование помещения, в котором был убит профессор Красницкий, не дало закалённому в бесчисленных схватках с уголовным миром следователю Щеглову никакой пищи для ума. Одна лишь деталь вызвала у сыщика чуть заметный блеск в глубоко сидящих глазах: на письменном столе профессора лежала новенькая, раскрытая на первой странице и ещё не начатая общая тетрадь. Судя по всему, Красницкий собирался что-то записать в ней, но не успел, так как был застигнут убийцей врасплох. На первый взгляд так оно, казалось бы, и было. Однако опытный взгляд профессионального детектива уловил то, что вряд ли смог бы с ходу заметить дилетант: первые два листа из тетради были вырваны. Удовлетворённо хмыкнув, следователь Щеглов сунул тетрадь в обширный карман пиджака.

Изучив обстановку на месте и собрав воедино все имеющиеся факты, следователь Щеглов решил, что дальнейшее его пребывание в Снегирях бессмысленно, и отбыл со свитой в Москву, уступив место происшествия медикам-криминалистам.

В Москве следователь Щеглов первым делом отправил тетрадь профессора Красницкого на экспертизу. Потом он вызвал двух своих помощников и дал им следующее задание: найти машиниста, который вёл поезд с предполагаемым преступником нынешней ночью (неизвестный, звонивший утром, сообщил точное время следования электропоезда через станцию Снегири) и подробно разузнать у него, что он видел или слышал об интересующем их лице; далее, найти, если удастся, пассажиров с того поезда и переговорить с ними, а также со всеми, кто так или иначе мог оказаться случайным свидетелем. По поводу пассажиров оба помощника выразили некоторые сомнения, что, мол, где ж их теперь разыщешь, но следователь Щеглов обжёг их таким грозным взглядом, что они тут же решили сами дать, если потребуется, любые свидетельские показания, какие нужны будут их шефу.

К трём часам пополудни оба сыщика вернулись с ворохом свежей информации. Выяснилось следующее. Машинист электропоезда, следовавшего нынешней ночью от станции Синицыно в Москву, действительно видел человека, садящегося в вверенный ему состав на станции Снегири, причём человек этот, как и следовало ожидать, был в плаще и с охотничьим ружьём. Он был единственный, кто сел в Снегирях – именно поэтому машинист и обратил на него внимание. В это время суток, добавил машинист, пассажиров бывает немного, а в Снегирях – этой маленькой захолустной станции – обычно вообще никто не садится.

Информация, полученная от машиниста электрички, не дала ничего нового и лишь подтверждала показания неизвестного, звонившего утром. Кстати, этот неизвестный, как вполне справедливо полагал следователь Щеглов, мог бы многое прояснить в тёмном деле с убийством профессора, поскольку же в образе неизвестного сначала смутно, а потом всё яснее и яснее проступала фигура некоего Чудакова М. Л., то следователь отдал распоряжение во что бы то ни стало разыскать пропавшего экспедитора и доставить к нему для личной беседы.

Показания машиниста электропоезда не были единственными, полученными в тот день расторопными помощниками следователя Щеглова. Правда, никого из

пассажиров вышеупомянутой электрички им отыскать не удалось, но зато посчастливилось заполучить гораздо более ценных свидетелей, которые сообщили сведения первостепенной важности. Этими свидетелями оказалась группа контролёров, совершавших свой обычный рейд по выявлению безбилетных пассажиров как раз в той самой электричке. Возглавлявший эту группу крепкий мужчина средних лет, с цепким взглядом профессионала, закалённого в схватках с «зайцами» всех мастей, смог многое прояснить относительно личности предполагаемого преступника. Рассказ его заключался в следующем. На перегоне Снегири – Копчёная (платформа Копчёная – следующая после Снегирей по направлению к Москве) в вагон, где группа контролёров в тот момент проверяла наличие билетов у немногочисленных пассажиров, вошёл высокий усатый мужчина в плаще с капюшоном и с ружьём. Он в замешательстве остановился и попытался было вернуться в тамбур, но старший контролёр, оказавшийся рядом, попросил вошедшего предъявить билет. Незнакомый, как показалось контролёру, был чем-то сильно озабочен и на просьбу последнего среагировал не сразу – лишь когда тот трижды к нему обратился. Билета у пассажира не оказалось. Несмотря на озабоченность, вёл он себя спокойно, без вызова, попыток к бегству не предпринимал. На предложение старшего группы заплатить штраф за безбилетный проезд с готовностью согласился, однако выполнить эту процедуру оказался не в состоянии ввиду отсутствия необходимой суммы денег, из-за чего сильно и, по всей видимости – искренне, огорчился. Предъявить документы он категорически отказался, заявив, что их у него нет, но когда старший контролёр предложил нарушителю проследовать с ним в милицию для составления протокола и выяснения его личности, тот страшно заволновался, засуетился, стал рыться у себя в карманах и наконец вытащил откуда-то охотничье удостоверение на имя Храпова Аркадия Матвеевича. Контролёр педантично записал все данные об этом человеке, после чего пожелал ему приятной поездки и направился к следующему пассажиру. Владелец же удостоверения в бессилии опустил на ближайшее свободное сиденье и несколько раз прошептал: «Пропал!» По крайней мере, старшему контролёру слышалось именно это слово, хотя настаивать на нём он всё же не решается.

Следователь Щеглов почувствовал внезапный прилив бодрости и желание действовать. Настроение его сразу улучшилось, а тон заметно смягчился.

– Отлично сработали! Молодцы! Значит, Храпов? Гм... Выясните, не числится ли за ним что-нибудь...

За Храповым не числилось ничего. Это слегка озадачило следователя Щеглова. Теперь, когда стало известно имя человека, подозреваемого в убийстве профессора Красницкого, он всерьёз задумался над тем, правильный ли путь он выбрал, всецело отталкиваясь лишь от показаний неизвестного, которым вполне мог оказаться и не Чудаков. Почему звонивший не назвал себя? Не означает ли это, что звонок – чистая уловка, провокация, попытка увести следствие в сторону от истинного преступника? Ведь вполне возможно, что преступник, совершив своё чёрное дело, увидел Храпова на платформе Снегири, когда тот садился в поезд. Позднее время, ружьё за плечами незнакомца и отсутствие свидетелей могли навести настоящего убийцу на мысль выдать Храпова за преступника. Что может быть проще! Простой звонок в милицию – и дело в шляпе. Милиция идёт по ложному следу, а преступник тем временем замечает свои следы.

Щеглов вспомнил с блеском раскрытое им три года назад дело об убийстве мадам Хрумкиной и похищении у неё ста сорока килограммов фамильного серебра. Тогда преступник действовал именно по этой схеме: свалил своё деяние на ни в чём не повинного человека. Но там действовал знаменитый «мокрушник» Колюня Двоечник – мастер на неожиданные выдумки и выдающийся импровизатор. А здесь... Интуиция подсказывала следователю Щеглову, что здесь дело обстоит иначе. Но как?.. Если даже допустить, что звонивший утром не солгал, то где гарантии, где доказательства, что Храпов сел в поезд именно в Снегирях? Он вполне мог войти в вагон не с улицы, как могло бы показаться на первый взгляд, а из соседнего вагона, через переход. Человек же, внешне на него похожий и таким же образом экипированный, действительно мог сесть в поезд в Снегирях и в то же время не иметь к Храпову никакого отношения. А почему бы, собственно, и нет? Правда, показания старшего контролёра, хотя и косвенно, свидетельствуют, что какая-то вина за Храповым всё же имеется. Что значит это неоднократно повторяемое слово «Пропал!»? Чем объяснить его волнение, суетливость, даже страх? И если страх, то перед чем?..

Щеглов потрянул головой. Нет, это всё не то. Эмоции, волнение, страх, чувство вины – пусть этим занимаются психологи, ему же нужны факты, улики, доказательства. А их пока что явно недостаточно. Скорее, их вообще нет.

Согласно только что полученной справке, Храпов жил вдвоём с дочерью-студенткой; жена его была ответственным научным работником и в настоящее время пребывала в длительной заграничной командировке на каком-то симпозиуме.

Прежде чем выходить непосредственно на Храпова, Щеглов решил побеседовать с его дочерью.

Встреча с Валентиной Храповой, студенткой Московского университета, состоялась в стенах её родного учебного заведения, где она со своими сокурсниками заканчивала последние приготовления к отъезду в стройотряд. Щеглов беседовал с ней лично и наедине. Узнав, что с ней желает говорить «товарищ из МУРа», Валентина сильно перепугалась; это не укрылось от всевидящего ока бывшего следователя. Из расспросов девушки Щеглов выяснил, что её отец этой ночью действительно не ночевал дома, но где он был, с кем и по какому делу, она не знала. На вопрос, брал ли он с собой ружьё, Валентина Храпова, сильно побледнев, чуть слышно ответила, что да, брал, и вдруг заплакала. От неожиданности Щеглов растерялся и попытался успокоить бедную девушку, но у него это получалось как-то неуклюже, неловко. Она же продолжала всхлипывать, размазывая кулаками с трудом добытую импортную косметику по покрасневшимся щекам, и горестно шептала: «Это всё из-за меня! Из-за меня! Это я виновата!..» Следователь проявил особый интерес к этим её словам, но большего от девушки добиться не смог, так как она окончательно расстроилась и ни на какие вопросы отвечать больше не могла. На том Щеглов её и оставил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mihaylov_serгей/strela-arhata

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)